

Вэй Хэпин не был близок с Ни Ли, хоть они и учились в одном классе в средней школе. Что уж говорить о Цзян Хуае. В день выпускного из девятого класса Вэй Хэпин и Цинь Юйхэ втайне от Цзян Хуая поспорили в WeChat: когда закончится летняя пересменка перед старшей школой, они покажут Цзян Хуаю выпускную фотографию средней школы. И посмотрим, сколько имён он сможет вспомнить, кроме их двоих. Вэй Хэпин поставил на то, что тот назовёт двадцать человек, а старина Цинь — что только десять.

Позже и он, и старина Цинь проиграли.

Потому что Цзян Хуай отказался участвовать. Старина Цинь предположил, что тот просто не смог вспомнить вообще ни одного имени. Они оба сильно недооценили уровень равнодушия Цзян Хуая и продули впустую.

Цзян Хуай — Настоящий лидер.

Настоящий лидер всегда одинок. Цзян Хуай был человеком слова: за три года средней школы, не говоря уже о романтических искрах, Вэй Хэпин ни разу не видел, чтобы Цзян Хуай перекинулся более чем пятью фразами с какой-нибудь Омегой или девушкой. Если не считать их сорокапятилетнюю замужнюю классную руководительницу.

Но о таком Настоящем лидере Вэй Хэпину вдруг рассказали другие: мол, Цзян Хуай, вспыхив из-за неудачной попытки приударить за Омегой, выкинул невероятную глупость. В результате его не только отправили домой отстраняться от занятий, но и с высокой вероятностью собирались исключить из школы.

Сам Цзян Хуай Вэй Хэпину этого не говорил. Вэй Хэпин слышал всё это от посторонних.

История Цзян Хуая и Сун Цзюня гремела на всю школу, причём слухи — очевидно полнейшая бредятинка — ходили сразу в нескольких версиях. Каждый ходил с видом знатока, будто раскрыл правду, и лишь Вэй Хэпин ничего не понимал.

Потому что Цзян Хуай лично ничего ему не рассказал.

Вэй Хэпин обзвонил Цзян Хуая сотни раз, допытываясь, что же на самом деле произошло.

В конце концов Цзян Хуай сухо выдавил: Сун Цзюнь поступил с Ни Ли не очень хорошо.

Что за «не очень хорошо», Вэй Хэпин больше не спрашивал.

Стоило Цзян Хуаю заговорить, и Вэй Хэпину уже не нужно было знать причину или подробности. Если Цзян Хуай сказал — значит, так оно и есть.

Вэй Хэпин ещё не успел отвести взгляд от спины Ни Ли, как его взор приковала к себе высокая женщина, показавшаяся из-за угла коридора. Она была худой, как сухая жердь, с впалыми щеками и тонкими, широкими губами. Настоящее воплощение стервозности.

Эту бабёнку Вэй Хэпин не хотел бы встретить даже во сне про призраков.

Вэй Хэпин вздрогнул и дёрнул Цзян Хуая за рукав:

— Чёрт, брат Хуай... Быстро в класс, эта карга Лю Юйсю идёт!

Но Цзян Хуай даже не повернул головы:

— Лю Юйсю у тебя сейчас не преподаёт, чего ты дрейфишь.

За Лю Юйсю след в след шла Лю Чан. Лю Юйсю остановилась у передней двери Второго класса и, указывая на Лю Чан пальцем, высказала ей пару строгих замечаний. Лю Чан покорно кивнула и поспешила в класс.

Повернувшись, Лю Юйсю заметила Цзян Хуая. Она одарила его взглядом, полным глубочайшего отвращения, и круто развернулась, уходя.

Цзян Хуай, прикусив соломинку, вернулся на своё место.

Бо Цзянь уже решал работу. Взгляд сосредоточенный, худые бледные запястья контрастировали с желтоватой бумагой бланка. Длинные ноги под столом с трудом помещались в узком пространстве.

Цзян Хуай мазнул по нему взглядом и подумал, что у этого ублюдка действительно есть причины сводить с ума столько Омег.

Вторым уроком первой половины дня была музыка.

Цзян Хуай по привычке проспал до звонка на второй урок и лишь тогда неспешно открыл глаза.

В классе занавесили шторы и выключили свет, отчего внутри царил полумрак. На доске опустили проекционный экран, где шёл фильм. Уроки музыки в старшей школе были чисто формальными: ближе к середине и концу семестра учитель музыки периодически «уходил в отпуск».

Но сейчас учебный год только начался, поэтому учитель музыки ещё присутствовал на рабочем месте и крутил классу шедевры мирового кинематографа.

Цзян Хуай потянулся. Краем глаза он заметил, что за его партой кто-то сидит.

Сидевший рядом слегка повернул голову и одарил его встречным взглядом.

Цзян Хуай:

— ?

— Бо Цзянь? Ты когда вошёл? — спросил Цзян Хуай.

Не дожидаясь ответа, Цзян Хуай не слишком дружелюбно добавил:

— И зачем ты сюда припёрся?

— Пошёл, пока ты спал, — не торопясь, ответил на оба вопроса Бо Цзянь. — Твоего соседа нет, а с этого ряда смотреть фильм удобнее.

— Понятно, — отозвался Цзян Хуай, подхватывая стаканчик с матча. — А я фильм смотреть не собираюсь.

Затем Цзян Хуай поднялся и пошёл на место Бо Цзяня.

Бо Цзянь повернулся и уставился на него:

— ...

Цзян Хуай уже зацепил ступней стул Бо Цзяня и уселся на него.

Бо Цзянь всё так же сидел вполоборота и, когда Цзян Хуай устроился, спросил:

— Тогда я могу занять твоё место?

Цзян Хуай даже не соизволил поднять голову:

— Без разницы.

Так сидевшие друг за другом поменялись местами: передний стал задним, а задний — передним.

Цзян Хуай пролистал лежавшего на столе Бо Цзяня «Улисса», ничего не понял и оттолкнул книгу в сторону, продолжить потягивать чай с молоком через соломинку.

Обычно он не обращал внимания, но, пересев, Цзян Хуай заметил, что плечи и спина Бо Цзяня куда шире, чем у него самого. Рубашка от школьной формы сидела на нём идеально, точно на вешалке, — ничуть не ждала и не висела мешком. В самый раз.

Пуговицы были застёгнуты до самого верха, подчёркивая выправку примерного ученика.

Цзян Хуай с закушенной соломинкой и абсолютно бесстрастным лицом застегнул молнию своей ветровки до самого подбородка.

Бо Цзянь, подперев голову рукой, несколькими точными движениями набросал на белом листе блокнота фрагмент заржавевшей ограды.

Задержав кончик ручки на последнем штрихе, Бо Цзянь замер на несколько секунд, а затем аккуратно вырисовал на верхушке забора летящую птицу. Точно так же, как в тот день Цзян Хуай прыгнул с верха сетчатых ворот и, пригнув колени, приземлился на облупившуюся металлическую ограду.

В психологии есть явление, называемое эффектом моста. Чем опаснее ситуация, тем легче вспыхивает чувство.

Но это, к чёрту, никакой не обманчивый психологический эффект.

Это просто неизбежное влечение человека к тому, что кардинально отличается от него самого.

Особенно если человек всю жизнь привык следовать правилам и жить в строгих рамках.

Цзян Хуай вбил в поиск телефона слово «Ulysses» — «Улисс» — и пролистал ещё пару страниц. На титульном листе курсивом были выведены две буквы — «Би-Джей». На правом верхнем краю стола лежала аккуратная стопка распечаток по английскому языку. Цзян Хуай слегка отогнул уголок и наткнулся на страницу с эссе.

На первый взгляд Цзян Хуай чуть не принял это за печатный бланк с ответами.

Но цвет пернильных чернил был темнее печатного оттиска. Цзян Хуай вглядывался с полминуты, прежде чем убедился: это написано от руки.

Бо Цзянь едва заметно повернул голову, незаметно наблюдая, как Цзян Хуай исподтишка разглядывает его работу.

Цзян Хуай, продолжая коситься на работу и не поднимая головы, потянул Бо Цзяня за край рубашки со спины и спросил:

— Председатель, ты подкачиваешься?

— Занимаюсь.

— А, заметно.

Бо Цзянь изогнул губы в улыбке:

— И как ты это понял?

Цзян Хуай поднял взгляд:

— У тебя спина хорошо сложена.

Примечание автора:

Председатель: Тьфу, а я-то думал, тебя привлекла моя накачанная фигура... (•^•)

Вэй Хэпин держал в руке баночку молока Wangzai и сидел под зонтом на скамейке у края баскетбольной площадки.

Сегодня весь день шёл дождь. Уже наступил вечер, уроки закончились, но морось всё ещё продолжала падать. Красное и зелёное резиновое покрытие открытой площадки потемнело от влаги.

В дождливую погоду темнеет особенно рано: ещё не исполнилось и шести часов, а небо уже погрузилось в полумрак.

Баскетбольная площадка пустовала, там были только Вэй Хэпин и Цзян Хуай.

Цзян Хуай ловким движением кисти отправил мяч прямо в корзину. С гулким «бах» тот ударился о покрытие и отлетел обратно ему в руки.

Школьная рубашка на нём вымокла насквозь — и спереди, и сзади. Влажный хвостик волос слипся в одну прядь и прилип к плечу. Капли дождя медленно стекали по подбородку, скользя по кадыку.

Удерживая мяч одной рукой, Цзян Хуай достал из кармана телефон и взглянул на экран: 17:59. Он направился к Вэй Хэпину:

— Пойдём. Хватит на сегодня, уже шесть.

Цзян Хуай точным дальним броском отправил мяч в корзину для хранения, а Вэй Хэпин кинул ему баночку молока Wangzai:

— Цзян Хуай, ты правда собираешься участвовать в отборочном матче на следующей неделе?

Цзян Хуай поймал банку, потянул за кольцо и в пару глотков осушил половину.

— Посмотрим. Не факт.

Цзян Хуай всегда говорил, что, за исключением сдачи нормативов, не участвует ни в каких спортивных командных мероприятиях школы.

Однако в последние дни он каждый день приходил на площадку и тренировался.

И кроме желания выступить на турнире по баскетболу на следующей неделе, Вэй Хэпин просто не находил этому иного объяснения.

Захочет Цзян Хуай выйти на поле — и его возьмут без вопросов. На бумаге в команду набирали двенадцать человек: пять основных игроков и семь запасных... Но на деле хорошо, если набиралась хотя бы пятёрка основы. Школьная команда состояла из единиц, а если выходили играть обычные ученики, состязание превращалось в возню нубов. Когда все играют одинаково паршиво, остаётся лишь пытаться сыграть; но если появляется сильнейший игрок, способный затащить весь матч, вся игра начинает крутиться вокруг него.

Вопрос был в другом: с чего вдруг Цзян Хуаю вообще понадобился этот баскетбольный турнир?

Вэй Хэпин произнёс:

— Да ладно тебе «не факт»! Если ты запишешься, наш класс точно заберёт победу.

После поступления в старшую школу... точнее, со второго полугодия девятого класса, Вэй Хэпин практически не видел, чтобы Цзян Хуай играл в баскетбол.

Зато видел до этого.

И это было, сука, невероятно круто.

<http://bllate.org/book/18377/1766520>